

Allain, Louis

**Столкновение жанров в поэме Александра Блока
"Возмездие"**

In: *Genologické studie. I.* 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita,
1991, pp. 412-423

ISBN 8021001240

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132289>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СТОЛКНОВЕНИЕ ЖАНРОВ В ПОЭМЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА "ВОЗМЕЗДИЕ"

Louis Allain (Lille)

Над поэмой "Возмездие" Блок работал около двенадцати лет - с 1910 по 1921, разумеется, с перерывами.

К работе над поэмой был привлечен богатый фактический материал, мемуарная литература и значительная документация по истории народовольцев.¹

Оглядываясь на свое произведение в 1919 г., поэт писал в "Предисловии" к поэме:

Тема заключается в₂ том, как развиваются звенья единой цепи рода.

"В коротком обрывке рода русского, живущего в условиях русской жизни" должны были по-разному продолжать друг друга отец, сын и отпрыск сына, третье звено, младенец, рожденный из "семена, кикутого (сыном) в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и хенственной дочери чужого народа".³

В определении Блока

Поэма должна была состоять из пролога, трех больших глав и эпилога. Каждая глава обрамлена описанием событий мирового значения; они составляют ее фон.⁴

Надо сразу же отметить очень любопытный факт. Почти каждой из трех написанных глав сопутствует большое количество черновых вариантов, записей, переделок. Поэма, как известно, осталась незавершенной. Более того: Пролог и первые три главы включили не более половины всего предполагаемого состава поэмы. Сохранилось, в самом деле, несколько вариантов окончания поэмы и ее сюжетного развития. Первоначально это должна была быть поэма об отце, затем о семье, в основном, о роде Бекетовых. Потом все более центральный план фокусируется на эпоху. В последних вариантах чрезмерно усиливается значение "отпрыска" и намечается несколько сюжетных линий, оставшихся незавершенными - в том числе важная для понимания поэмы линия "Марии". Эта ситуация редкая, если не единственная, в творчестве Блока, особенно если привести в параллель работу над драмой "Роза и Крест".

Все это свидетельствует о том, что в "Возмездии" Блок столкнулся с совершенно особенными в его творчестве проблемами.

О намерении Блока создать подлинно эпическую поэму свидетельствует уже⁵ приведенное "Предисловие". Говоря о⁶ постройке большой поэмы, поэт дает ее художественный чертёж, не без оглядки, должно быть, на дантовский "Ад":

Ее план представлялся мне в виде концентрических кругов, которые становились все уже и уже, и самый маленький круг, съехившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, расширять и раздвигать окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию.⁷

Наличие эпического начала определяется не только художественной структурой поэмы, но и ее размахом (мои "Rougon-Macquart" ⁸), все нарастающей динамикой развития сюжета (Вот такое ритмическое и постепенное нарастание мускулов должно было составлять ритм всей поэмы⁹) и подчеркнутой идеологической нагрузкой:

... род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, начинает, в свою очередь, творить возмездие; последний первенец уже способен огриваться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества. И, может быть, ухватится - таки за него... 10

Чем же объясняется такое неожиданное обращение Блока к эпическому жанру? Что предшествовало, в основных чертах, появлению поэмы?

После "Ночной фаналки", вплоть до 1910 года, творчество Блока развивалось в двух жанрах - лирика и драма. Были написаны лирические циклы "Город", "Снежная Маска", "Фамия", "Страшный мир", "Возмездие" (цикл начат в 1908 г.), "Итальянские стихи". После драмы "Песня Судьбы" (1908), уже работая над "Возмездием", в 1912 году Блок писал драму "Роза и Крест".¹¹

Вместе с тем, несмотря на то, что жанр лирики преобладает у Блока в эти годы, одновременно у поэта оформляется своеобразный бунт против лирики, причем не только против лирики символистского толка, но вообще против этого жанра. Какова была основа этого бунта?

В 1907 году, подготавливая издание сборника "Лирические драмы", Блок пишет в "Предисловии":

Лирика не принадлежит к тем областям художественного творчества, которые учат жизни. В лирике закрепляются переживания души, в наше время, по необходимости, уединенной. Переживания эти обыкновенно сложны, хаотичны; чтобы разобраться в них, нужно самому быть "немножко в этом роде". Но и

разобравшийся в сложных переживаниях современной души не может похвастаться, что стоит на твердом пути. Между тем всякий читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы указаний жизненного пути.¹²

В статье "О лирике" того же года Блок говорит, что лирики обладают несметным богатством, но не дадут вам, люди, ничего, кроме мгновенных цветовых брызг, кроме далеких песен, кроме одурманивающего напитка.¹³

В статье "О драме" опять того же года Блок еще более категоричен: Запечатлеть современные сомнения, противоречия, шатание пьяных умов и брожение праздных сил способна только одна гибкая, лукавая, коварная лирика. Мы переживаем эпоху именно такой лирики. Вместительная стихия спокойной эпической поэмы, или буйной песни, одушевляющей героев, или даже той длинной и печальной песни, в которой плачет народная душа, эта стихия разбилась на мелкие красивые ручьи.¹⁴

Неудивительно поэтому, что в 1911 году Блок пишет А. В. Гиппиусу: ... Я хочу дописать большую поэму, которую начал давно и которую люблю.... С лирическими стихами расставь до старости.¹⁵

Впрочем, подобных выступлений против лирического жанра можно найти великое множество у Блока того периода: в статьях, переписке, дневниках.

Бунт Блока против лирики сводится к двум причинам. Первая заключалась в том, что, как сильно сказано в статье "Вечера "Искусств" (1908 г.):

... Стихи... любого из новых поэтов читать не нужно и почти всегда - вредно. Вредно потому, что новые поэты еще почти ничего не сделали; потому, что нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного, которые еще не имеют права считать себя потомками священной русской литературы...¹⁶

Вторая причина заключалась в том, что кризис символизма, ставший большим литературным и общественным явлением к концу десятилетия, Блок объяснял во многом приверженностью нового искусства к лирическим формам, которые, опять-таки, не учат жизненному пути.

Этот взгляд на литературу и искусство вообще (на поэзию в частности) как на служение людям или жизни уже давно назревал у Блока. Подготовив 8 апреля 1910 года современное состояние русского символизма, поэт утверждал в своем докладе:

Мы находимся как бы в безмерном океане жизни и искусства, уже вдали от берега, где мы взобрали на палубу корабля; мы еще не различаем иного берега, к которому влечет нас наша мечта, наша творческая

воля...¹⁷

В том же месяце 1910 года Блок определеннее высказывал свою давнишнюю мысль в статье "Литературный разговор":

... Останутся сухие стебли, голые "лозунги", например: "Мир волшебен! Ты свободен! Дерзай!"...¹⁸ Безумная русская литература - когда же наконец станет тем, чем только и может быть литература - служением? Пока нет у литератора элементарных представлений о действительном значении ценностей - мира и человека, - до тех пор, кажется, никакие свободы нам не ко двору, все раздирается на клочья, ползет по всем швам; до тех пор как-то болезненно принимает душа всякую пестрядь, хотя бы и пышную, требуется только тихая, молчаливое, пусть сначала одинокое - "во Имя".¹⁹

Это "служение", "во Имя", ощущение необходимости сойти с шаткой лирической почвы привели к поискам эпического начала и стали условиями создания "Возмездия", когда к "зиме 1911 года"

... впервые выростало сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики... трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего - противоречий непримиримых и требовавших примирения.²⁰

В "Предисловии" к "Возмездию" Блок, подчеркивая не только историю поэмы, но и сугубо идейно-полемический контекст своего вдохновения, ссылается на различные события 1910-1911 гг., чтобы придать своему произведению окончательную эпическую окраску:

Поэма "Возмездие" была задумана в 1910 году и в главных чертах набросана в 1911 году. Что это был за год?

1910 год - это смерть Комиссаржевской, смерть Зрубеля и смерть Толстого (...). Далее, 1910 год - это кризис символизма (...). Весной 1911 года П. Н. Милков прочел интереснейшую лекцию под заглавием "Вооруженный мир и сокращение вооружений" (...). В Киеве произошло убийство Андрея Шмидского (...). Летом этого года... в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих (...). Наконец, осенью в Киеве был убит Стодипки...²¹

Именно эти высказывания послужили некоторым исследователям Блока неопровержимым доказательством торжества победившего "эпического начала" поэмы, первой поэмы эпического типа после Некрасовой поэмы "Кому на Руси жить хорошо".

Но в самом художественном оформлении "Возмездия", как оно определяется в "Предисловии", кроется какая-то роковая двусмысленность, которая обычно недооценивается критиками. Ведь после тщательного перечня этих событий Блок как-то странно прибавляет:

Все эти факты, казалось бы столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор.²²

Мало того,

Вся поэма должна сопровождаться определенным лейт-мотивом "возмездия"; этот лейтмотив есть мазурка, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костишку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах. В первой главе этот танец легко доносится из окна какой-то петербургской квартиры - глухие 70-е годы; во второй главе танец гремит на балу, смешиваясь со звоном офицерских шпор, подобный пене шампанского fin de siècle знаменитой *veuve Clicquot*; еще более глухие - цыганские, апухтинские годы; наконец, в третьей главе мазурка разгулялась: она звенит в снежной вьюге, проносящейся над ночной Варшавой, над занесенными снегом польскими клеверными полями. В ней явственно слышится уже голос Возмездия. 23

Подобное сведение различных событий к единой, пусть музыкальной тональности, не соответствует многослойности эпического жанра. Это восприятие прежде всего лирическое по преимуществу. И, на самом деле, Блок, параллельно с воспроизведением исторической полосы конца 19 века, дает лирический комментарий этой эпохи, который в гораздо большей степени "проклятие", чем воспроизведение.

В первой главе "Возмездия", близкой по своей тематике к циклам "Страшный мир" и "Возмездие", это лирическое восприятие эпохи выступает на первый план. Исторические реалии даны в метафорических и "проphetических" срезках, - метод, характерный для лирики зрелого Блока:

....
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас...
....
Там - вместо храбрости - нахальство...
....
Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Липциферова крыла).
....
И неустанный рев машин,
Кущей гибель день и ночь...
....
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

Правда, в последующем развитии первой главы (возвращение в Петербург участников русско-японской войны, пирушка народовольцев,

описание семьи Бекетовых) этот лирический аспект сглаживается и значительно уменьшается. Блок, как свидетельствуют многочисленные черновые варианты, боролся с этим лирическим началом поэмы, которое, в конце концов, усиливается во второй и, в особенности, в третьей главе.

Во второй главе уже происходит прямое возвращение к стилю лирической поэмы. Небольшая ханровая сценка, въезд царя и вопли татарина "князя" не нарушают общего пророческого лирически тревожного стиля. Образ Победоносцева-колдуна²⁴, появление "Державного Основателя", вариация известных стихов из "Медного Всадника" (Какие ж сны тебе, Россия, / Какие бури суждены?...), пророчества кровавой зари - все эти образы слиты с лирикой Блока того времени в гораздо большей степени, чем с первой главой поэмы.

Третья глава, как известно, была написана раньше двух первых. Законченная в 1911 году, она носила подзаголовок "Варшавская поэма". Центральной ее фигурой был образ отца, о котором сказано в "Предисловии", что он

некий "демон", первая ласточка "индивидуализма", человек похожий на Байрона, с какими-то нездешними порывами и стремлениями, однако, болезнью века, начинающимся fin de siècle.²⁵

В окончательной редакции третьей главы на его мертвом лице печать скитальцев. Отец - начало гибели рода:

Он ведал холод за спиной...
И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, в потьмах -
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...

Тема сына в первом варианте третьей главы почти не развивалась. Повествовательные элементы в этом варианте были лишь в зачатке. Этот вариант, как совершенно справедливо отмечает Л. Долгополов, создавался

... как лирическая поэма. Это была прочно утвердившая себя форма, и Блок пошел в русле традиции. Однако сомнение в правильности ориентации на лирическую поэму здесь уже налицо.²⁶

Преодоление этой лирической поэмы (первого варианта третьей главы), поиски эпической формы, соответствовавшей замыслу Блока о создании нового типа эпической русской поэмы, были сложными и зачастую мучительными. 25-го ноября 1911 г. Блок записывает в своих "Дневниках":

Сегодня днем у мамы, ее привез обедать, обедала у нас также тетя. Читал вечером им поэму, новую переделку. Совершенно слабо, не годится, ну ужасно ничего не выйдет? Надо план и сюжет. 27

Очевидно, осознав полную несхлываемость субъективно-лирического начала с подлинной, многослойной эпической формой и не надеясь найти верный подход к ней, Блок избирает третий путь. Поэт уже начинает ориентироваться на тип стихотворной повести, восходящей, в свою очередь, к традиции пушкинских постромантических поэм.

Прежде всего Блок пытается яснее организовать сюжет и фабулу. Описательно-нарративный элемент возрастает и даже начинает централизоваться, в связи с чем смягчается "профетический" стиль.

Эта эволюция уже видна с первой главы "Возмездия" в ее переработанном, окончательном виде, несмотря на назойливое присутствие лирики. Тут именно и происходит очередное столкновение жанров, поскольку жанр стихотворной повести, как и жанр лирической поэмы, не переставая противоречить друг другу, отталкиваются одновременно от эпической поэмы.

Интересна в этом смысле историчско-бытовая обработка образа отца, "демона", который в первом варианте был близок к литературному символистскому клише. В окончательном тексте первой главы этот "демонический" образ введен в историко-литературную рамку:

И дамы были в восхищеньи:
"Он - Байрон, значит - демон..."

....
Потомок поздний поколений,
В которых жила мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений, -
На Байрона он походил,
Как брат болезненный на брата
Здорового порой похож...

Образ в дальнейшем еще более иронически снижен:

И было знать ему дано,
Что демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя - смешно...

В третьей главе налицо основные элементы стихотворной повести:

От панихид и от обедней
Избавлен сми; но в отчий дом
Идет он. Мы туда пойдем за ним...

В первоначальном варианте "Возмездия" мы находим многочисленные попытки отступлений, типа литературных отступлений "Евгения Онегина", почти полностью исчезнувшие в окончательном тексте:

Правдивы вы - и без прикрас,
Стихи печальные поэмы! -

Да, нас немного(глава 7)

Тебе, читатель, надоело,
Что я тяну вступления нить,
Но знай - иду я к цели смело,
Чтоб истину установить (глава 13).

С тобой связь я стал терять,
Читатель, уходи в раздумья,
Я голосу благоразумья .
Давно уж перестал внимать... (глава 14)

Эти отступления, в форме диалога с читателем, явно отражают некоторую жанровую потерянность Блока. Они были бы немислимы в лирике, в лирической поэме. Эти отступления - некая попытка "объективизации" поэмы, выведения ее из лирического русла.

Эти колебания, поиски, столкновение жанра лирической поэмы и стихотворной повести на фоне общего эпического замысла отразились на стиле "Возмездия". Как пишет Л. Долгополов

... различие в поэтических средствах здесь настолько велико, что только зная общий замысел поэмы, все три главы можно объединить в одно целое.²⁸

Намеренное и искусственное введение описательного элемента в поэме, которое в целом было не свойственно творчеству Блока, по точному определению Долгополова, "слишком приблизило" Блока к пушкинской традиции. Отсюда не переработанное творчески в первой главе воспроизведение стилистического описательного уровня, входящего к "Евгению Онегину":

На вечерах у Анны Зревской
Был общества отборный цвет.

.....

Он в доме запросто обедал
И часто всех по вечерам
Живой и пламенной беседой
Пленял.....

Зато, во второй главе "чистая" лирика опять вступает в свои права. В стилистическом отношении "пророческий" слой заменяет повествовательный стиль стихотворной повести.

Если линия "отца-демона", выраженная как первый этап гибели дворянского рода, нашла в поэме более или менее отчетливое развитие, то образ "сына" в окончательном тексте третьей главы является довольно бегло и преимущественно в романтическом облике падения, измени:

И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать...

.....

А сын - он изменил отчизне!

Он хадно пьет с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взвывая к совести и к жизни...

Уже наброски продолжения второй главы, в которой дан автобиографический портрет сына, его чистого безмятежного детства, когда

Он был заботой женщины нежной²⁹
От грубой жизни огражден,

даст понять, что повествовательная линия сына осталась в поэме нерешенной. В набросках продолжения третьей главы (май-июль 1921) обращает внимание предельно лирическое изображение сына, его отчаяние:

- Мне хить надоело -

....

- Мария, нежная Мария,
Мне хизнь постыла и пуста!

....

Мария, нежная Мария,
Мне пусто, мне постыло хить!

Я не свершил того....

Того, что должен был свершить.³⁰

В воспоминаниях Н. Павлович упоминается "простая девушка с Карпат", носившая в черновых записях имя Мария, "... которая хизла от него (т.е. от Блока - Л.А.) ребенка. Во всяком случае - продолжает Павлович - образ "Марии", девушки с Карпат, должен войти в пантеон женщины, связанных с поэзией Блока:³¹

С темой Марии и ее ребенка должна была завершиться тема возмездия. Рожденный "дочерью чужого народа", этот последний отпрыск³² старого рода должен был одновременно принести гибель ему и, творя возмездие, обозначить начало наступления новой жизни.

Столкновение жанров в "Возмездии" привело не к творческому синтезу, а наоборот, к сплошной неуравновешенности на всех стилистических уровнях. Из этой "великолепной неудачи", по определению Алии Ахматовой, поэт извлек драгоценнейший опыт. В "Двенадцати" Блок создаст новый тип поэмы, в которой при лирической основе вводится многослойный сложный материал, характерный для крупных стихотворных жанров. Это радикально новое произведение знаменует собой решающий сдвиг в жанре поэмы не только в сторону лирического эпоса Маяковского, Цветаевой и Клычева, но также в сторону внелирических поэм Хлебникова, давшего наиболее ценные и разнообразные типы новой поэмы, которой так упорно и настойчиво требовал новый век. "Возмездие", в этом отношении, стало последним поэтическим лепетом старого мира.

Примечания

Произведения Блока цитируются по изданиям:

- Александр Блок, Собрание сочинений в восьми томах. ГИХЛ, Москва-Ленинград, 1960-1963 гг.
- Александр Блок, Записные книжки (1901-1920), ГИХЛ, Москва, 1965.

- 1 Среди мемуарной литературы особенно выделяются:
 - "Воспоминания" О.С.Любатович
 - книга Е.В.Спекторского об отце Блока ("А.Л.Блок, государствовед и философ"), Варшава, 1911.О чисто исторических источниках "Возмездия" написана целая литература (наиболее интересные сведения сообщаются в очерке Г. Блока, двоюродного брата поэта, в очерке "Герои "Возмездия""). В "Материалах для поэмы" сам Блок объединил значительное количество материалов по истории семидесяти-девяностых годов (см. А. Блок, собр. соч., т. 3, с. 444-460). В этих материалах не только детальное описание этих лет, но и такие источники, как труд С.Г.Сватикова, книга А. Туна, исследования С. С. Татщева, Мих. Лемке.
- 2 Блок, А.: Собр. соч., т. 3, с. 297.
- 3 Там же, с. 298-299.
- 4 Там же, с. 298.
- 5 Там же, с. 297.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Там же, с. 298.
- 9 Там же, с. 297.
- 10 Там же, с. 298.
- 11 Кстати, в работе над драмой "Роза и Крест" Блок также привлекал крупный исторический материал; писал несколько комментариев к ней. Ряд центральных сцен в первой редакции носил совсем другой характер, чем в окончательных; не сразу был найден финал драмы. Само использование исторического материала в драме было, как справедливо писал В.М.Жирмунский, иного типа, чем использование исторических источников в первоначальной стадии. (Жирмунский, В.: "Драма А.Блока "Роза и Крест"". Ленинград, "Наука", 1974).
- 12 Блок, А.: Собр. соч., т.4, с. 433.
- 13 Там же, т.5, с. 132 (Впервые - "Золотое руно", 1907, № 6)
- 14 Там же, с. 164 (Впервые - "Золотое руно", 1907, № 7-9)
- 15 Там же, т. 8, с. 349 (Письмо от 13 июня 1911)
- 16 Там же, т. 5, с. 308 (Впервые - "Речь", 1908, 27 октября)
- 17 Там же, с. 425.
- 18 Эти "ловушки" принадлежали Бальмонту.

- 19 Блок, А.: Собр. соч., т. 5, с. 440-441 (Впервые - "Речь", 1910, 12 апреля).
- 20 Там же, т. 3, с. 296.
- 21 Там же, с. 295-297.
- 22 Там же, с. 297.
- 23 Там же, с. 299-300.
- 24 Исток этого образа - в статье Белого "Луг зеленый".
- 25 Блок, А.: Собр. соч., т. 3, с. 298.
- 26 Долгополов, Л.: "Поэмы Блока и русская поэма конца 19-го-начала 20-го вв.", "Наука", Москва-Ленинград, 1964, с. 84.
- 27 Блок, А.: Собр. соч., т. 7, с. 96.
- 28 Долгополов, Л., с. 86.
- 29 Блок, А.: Собр. соч., т. 3, с. 469.
- 30 Там же, с. 472-473.
- 31 См. "Воспоминания об Александре Блоке" Н.А.Павлович, в "Блоковском сборнике", Тартуский гос. ун-тет, Тарту, 1964, с. 487.
- 32 Разумеется, появление этого "отпрыска рода" в сюжетном развитии первоначально не предполагалось, поскольку оно связано с отражением позднейшего биографического события в жизни А. Блока.

LE CONFLIT DES GENRES POÉTIQUES DANS "LE CHÂTIMENT" D'ALEKSANDR BLOK

Qualifié de "merveilleux échec" par Anna Axmatova, le poème de Blok "Le Châtiment" a pour soubassement une volumineuse information historique et pour sujet la description "épique" d'une famille sur une génération.

Mais, alors que dans sa "Préface" tardive de juillet 1919 Blok évoque l'intention qui fut sienne d'écrire un poème authentiquement épique en raison de son ampleur, de sa structure et de sa finalité idéologique, il laisse échapper, dans le même temps, une petite phrase lourde de signification: J'ai pris pour habitude de confronter dans tous les domaines de la vie actuelle les faits accessibles à mon regard, et je suis persuadé que, tous réunis, ils forment un seul torrent musical.

L'ambiguïté est donc à la base de l'écriture du poème. Il n'y a pas, en effet, de liaison possible entre l'individuel /unidimensionnel/ et l'épique /pluridimensionnel/.

L'individuel dans "Le Châtiment", c'est avant tout le moi du poète avec son unité de perception musicale. C'est, en second lieu, la place excessive réservée au "père" au détriment de la ligne du "fils" qui reste floue, indéterminée, inachevée, comme, au demeurant, le poème lui-même.

Quant à la mise en perspective historique, elle tend à devenir de plus en plus narrative, "centralisée" en quelque sorte, prenant carrément la forme du "récit en vers" dont les poèmes postromantiques de Pouchkine sont l'indéniable archétype.

Or, pas plus que l'individuel ne peut s'accommoder du genre épique, le récit en vers ne peut s'accorder à l'alternative du genre épique: le genre lyrique. Il y a donc, à tous les niveaux, conflit de genres poétiques incompatibles, excluant a priori toute synthèse créatrice.

Tentative avortée, l'écriture trop délibérément épique /au sens "volontariste" du terme/, sera en fin de compte, malgré l'aspect narratif formel du "traditionnel" récit en vers, submergée par le lyrisme viscéral du poème, particulièrement évident dans le deuxième chapitre.

Le but que s'était assigné Blok dans son poème "Le Châtiment" sera réalisé en fait dans "Les Douze". Cette oeuvre, marquant une véritable mutation dans le genre du poème, ouvrira la voie à l'épopée lyrique de Majakovskij, M. Tsvetaeva, Kljuev. La structure unidimensionnelle, propre au poème lyrique, se magnifiera en structure pluridimensionnelle, non seulement au plan du système poétique, mais aussi aux plans thématique, lexical et stylistique.